

Н. В. Карепанов
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ: ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СЛЕДОВ

В рамках новых парадигм вырабатывается иное представление о понятии следов: следы понимаются как элементы пространственно-временного континуума, образовавшиеся на носителях от источников в процессе их движения и взаимовлияния как результат изменения их количественных и качественных характеристик.

Сегодня новые научные знания остро необходимы для практики судопроизводства, особенно для исследования следов преступлений, связанных с применением цифровых технологий. Целью современных научных изысканий в этой области знаний является разработка целостной частной криминалистической теории следов. Можно утверждать, что объект теории следов – это цельный процесс, состоящий из деятельности по обнаружению, исследованию и использованию следов событий, связанных с преступлениями. Чрезвычайно важным является познание процесса следообразования. Особое внимание следует обратить на то, что разновидность следов зависит не только от характера процесса их возникновения, но и от событий их породивших. В таком контексте следы различаются по этапам механизма преступления.

В статье рассматривается подход к выявлению следов преступлений с учетом соблюдения обязательных условий: своевременности действий, полноты охвата и гарантий достоверности. Анализируются технологии исследования «идеальных следов». Автор склоняется к тому, что подобные следы являются когнитивными (следами высшей нервной деятельности человека), материальными, учитывая при этом, что мысль для самого человека есть абстрактная категория, доступная ему одному и потому идеальная.

Ключевые слова: следы, отражение события, информация, парадигмы, комплексы следов, криминалистическое учение, система криминалистики

Для цитирования

Карепанов Н. В. Вопросы развития криминалистики: основы криминалистической теории следов // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 1. С. 66–74. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_1_66.

УДК 343.98

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_1_66

В феврале 2021 г. исполнилось 115 лет со дня рождения доктора юридических наук, профессора кафедры уголовного процесса и криминалистики ЛГУ, заслуженного деятеля науки РФ, основателя ленинградской школы криминалистов Ивана Филипповича Крылова. Его научное наследие огромно и многогранно. Изданные им монографии не утратили актуальности. Одним из важных направлений его научной работы являлось познание следов преступлений. Его глубокие исследования – от первой монографии

«Следы на месте преступления» (Л., 1961) до монументального труда «Криминалистическое учение о следах» (Л., 1976) – до сих пор составляют основу следоведения. Сила научных изысканий Ивана Филипповича проявилась не только в том, что они прошли испытание временем, но и в том, что в них заложена возможность совершенствования научных положений.

Сегодня в научных изысканиях понимания следов происходит настоящий «тектонический» сдвиг. Новые парадигмы учения

о следах заставляют вырабатывать другое мышление. Глобальным представляется включение понятия «следы» в ряд философских категорий. Вырабатывается новый подход к формированию криминалистического учения о следах на базе двух законов познания процессов действительности по А. А. Эксархопуло [Эксархопуло 2018: 5–25] и закона о сохранении энергии. Важной парадигмой в познании следов стало также использование теории относительности [Паули 1983: 84–156; Синг 1963: 235–349] и теории информации. Фундаментальным является гносеологический постулат о том, что понятия и суждения имеют смысл, если только с ними можно сопоставить наблюдаемые факты [Эйнштейн 1965: 120; Чудинов 1974: 115, 120]. Наиболее общее философское определение из теории информации звучит следующим образом: «Информация есть отражение реального мира. Информация – отраженное разнообразие, то есть нарушение однообразия. Информация является одним из основных универсальных свойств материи» [Информатика 1994: 98].

Исходя из обозначенных теорий, постулатов некоторых наук и системных выводов о процессах образования и обнаружения результатов изменения действительности в связи с событиями преступлений, сегодня можно охарактеризовать следы как элементы действительности пространственно-временного континуума, образовавшиеся на носителях от источников в процессе их движения и взаимовлияния как результат изменения их количественных и качественных характеристик.

Сегодня большую потребность в новых научных знаниях испытывает практика судопроизводства, а также следственная, оперативно-розыскная, судебная, экспертная практика. Преступники все чаще стали использовать достижения научно-технического прогресса, применять новые способы совершения преступлений, механизмы противодействия расследованию, способы уничтожения и сокрытия следов.

Так, в области исследования следов событий преступлений, связанных с применением цифровых технологий и сетевых телекоммуникаций, прослеживается хроническое отставание субъектов расследования от субъектов незаконных посягательств. Одной из причин

можно назвать отсутствие ощутимых результатов в научных исследованиях образования и возможности обнаружения следов преступлений в сети Интернет. Это связано с тем, что сама сеть не имеет административного регулятора, а информация может храниться на веб-сайтах в другой стране или на другом континенте, где законодатели не готовы устанавливать ответственность за хранение и распространение непристойной информации [Осипенко 2004: 220; Старостина, Фролов 2005: 74; Номоконов 2003].

Следственная и оперативно-розыскная практика, предназначенная для выявления и исследования следовой информации, способной моделировать произошедшие преступные события, также явно отстает от «преступного прогресса». Часто лица, производящие уголовное расследование, не обеспечены надлежащим техническим, тактическим и методическим инструментарием для обнаружения умело сокрытых следов [Хрусталева 2019]. Только теория способна очертить круг всех наиболее востребованных знаний, необходимых для эффективного расследования уголовных дел [Россинская 2019: 10].

Отмечаются многочисленные проблемы в экспертной практике. Нередко они взаимосвязаны и в целом требуют теоретического вмешательства. Эти вопросы могут быть также решены в результате развития науки о судебной экспертизе. Вместе с тем очевидно, что пока не удастся получить целостной картины, научные знания по отдельным видам экспертиз (видам следов) отсутствуют либо носят отрывочный характер [Хомяков 2020].

Судебная и профилактическая практика отражают потребности в эффективном использовании следовой информации для доказывания адекватности моделирования произошедших событий и предотвращения преступных посягательств в аналогичных ситуациях. Сегодня в судах недостаточные и порой недостоверные сведения, получаемые в результате исследования следов, стали нормой. Вместе с тем в судопроизводстве должны быть максимально использованы результаты научного прогресса.

Совершенствование криминалистической теории следов является непрерывным процессом. Особое значение сегодня приобрели следующие вопросы: необходимость обобщения множества самых разных мнений

о следах, их классификации в криминалистике; необходимость восполнить пробелы в системе следов; усиление влияния на развитие криминалистических суждений философии вообще и логики в особенности; ослабление доверия к несистемному описанию многих новых видов следов, неоправданному выделению некоторых из системы криминалистики.

Одна из целей современных научных исследований в этой области знаний – разработка целостной частной криминалистической теории следов. Основными элементами данной теории признаны объект, предмет и метод [Белкин 2008: 185–186]. В этом вопросе мы придерживаемся суждений ряда известных авторов (В. А. Образцов, А. А. Эксархопуло, С. А. Величкин, В. Н. Терехович,

---

Разновидность следов зависит не только от процесса их образования, но и от событий, их породивших

Э. В. Ниманде, В. Д. Корма и др.) о неизбежности принципа научности теорий: «Одна наука – один объект». Поэтому можно утверждать, что под объектом теории следов следует понимать процесс, состоящий из деятельности по обнаружению, исследованию и использованию следов событий, связанных с преступлениями. Конечно, такой процесс неоднороден, состоит из отличающихся друг от друга по своим характеристикам видов антикриминальной деятельности, но это единый комплекс действий, позволяющий достигать цель научного познания в данной криминалистической науке.

Чрезвычайно важным является познание процесса следообразования, сущность которого не вызывает особых споров. Так, А. М. Кустов под механизмом следообразования в криминалистике понимает «процесс взаимодействия двух и более материальных и идеальных объектов в общей системе преступления, завершающийся образованием следов-отражений (или частиц), содержащих криминалистически значимую информацию о преступном событии и его участниках» [Кустов 2002: 96–97]. Мы, однако, предлагаем в этом контексте использовать более емкий термин «возникновение». Считаем, что он вернее отражает процесс изначального появления самых разных по своей сущности

следов. «Образование» относится к материальным (чаще трасологическим) видам следов. В нашем толковании следы выступают не только продуктом многообразных действий человека, но и результатом развития иных явлений. Через процесс возникновения (проявления движения материи) выражается и сущность следов. Высшая форма движения (мышление) предполагает возникновение когнитивных следов. Простое пространственное перемещение порождает различные материально фиксированные следы.

Ф. Энгельс отмечал, что есть пять основных форм движения материи: механическая, физическая, химическая, органическая (или биологическая) и социальная. Они и формируют следы любых событий. В результате физических процессов сущность веществ не меняется (вода в любом своем состоянии остается водой). В ходе же химических процессов (реакций) сущности веществ меняются кардинально и безвозвратно (ржавый гвоздь в первоначальное состояние не возвращается никогда). Следы биологического происхождения (следы человека или животного, а также растения, микроорганизмы, грибы и др.) могут быть занесены на место происшествия, унесены с места происшествия, могут возникнуть в связи с пребыванием субъектов на конкретном месте, остаться в результате хранения или транспортировки каких-то объектов (трупа или его частей) [Комиссаров, Левченко 2009: 23–27].

Разновидность следов зависит не только от процесса их образования, но и от событий, их породивших. Так, Джегвон Ким создал теорию, согласно которой событие есть экземплификация свойств объектов в конкретное время (*property-exemplification account of events*). События структурированы, состоят из трех основных частей: объекта (объектов), свойства (свойств) и времени или временного интервала, и должны отвечать пяти условиям: 1) события – это неповторимые, неизменные частности; 2) события имеют «полувременное» (*semi-temporal*) местоположение; 3) только конструктивные свойства событий создают различные события; 4) поддержание конструктивного свойства как родового события создает отношения символического типа между событиями; 5) структура события не ограничена тремя указанными частями

[Kim 1993: 96]. В таком контексте события, связанные с преступлением, а следовательно, и их следы различаются по этапам механизма преступления.

Отдельно следует остановиться на возникновении следов, связанных с сознательным противодействием обнаружению информации о произошедших событиях и явлениях; с сокрытием преступления [Карагодин 1992: 39–58]. Уникальны и требуют отдельного изучения следы предупреждения преступления. Их возникновение обусловлено применением специальных средств для фиксирования фактов преступных посягательств некоторых видов (наркобизнес, незаконный оборот оружия, преступления против государственной службы и др.).

Важной парадигмой криминалистической теории следов представляется систематика. Сегодня она выражается, во-первых, в общей систематизации научных знаний. Во-вторых, систематика в криминалистической теории следов – это совокупность частных систем, каждая из которых объединяет только одну группу явлений, процессов, сторон объективной действительности. В-третьих, систематика – это различные криминалистические классификации объектов, их свойств и признаков, связей и отношений, категорий и понятий, с которыми приходится иметь дело.

Современные парадигмы понимания следов позволяют говорить о некотором изменении статуса такого учения в теории криминалистики. В такой интерпретации теория следов представляется высшей, развитой структурой научного знания, устанавливающей целостные суждения об элементах действительности, их связях и закономерностях существования. А значит, учение о следах занимает место частной криминалистической теории в общей теории криминалистики. Такая теория следов, хотя и охватывает весь объект познания теории криминалистики, имеет отношение только к одному направлению и вливается в общую теорию как цельная парадигма.

Обнаружение следов дает возможность использовать сведения, содержащиеся в них, для создания мысленной модели произошедших событий, а в конечном счете – для восстановления фактов преступления и получения доказательств причастности к нему или

виновности в его совершении конкретного лица. Выявление следов – восприятие их органами чувств человека непосредственно или инструментально. Эта поисковая процедура неизменно сопровождается фиксацией, изъятием и сохранением обнаруженного. Комплекс действий субъекта изысканий называют собиранием доказательств [Белкин 2008: 28–43]. На наш взгляд, термин «доказательства» применим больше на последующих стадиях познания объектов, отражающих события преступления. В процессе обнаружения этих объектов правильнее называть их следами события. Кроме того, собирание, по нашему мнению, подразумевает просто набор чего-либо. Так, в разных словарях слово «сбирание» (действие по глаголу «сбирать») означает накапливание, сведение воедино каких-либо объектов. С точки зрения новых парадигм более приемлемо понятие «агрегирование». По нашему мнению, агрегирование – это поэтапно-периодическое объединение получаемых сведений, находящихся в отдельных следах (исходных моделях), которые относятся к определенным событиям, с целью восстановления их агрегированной модели (с меньшим числом переменных или ограничений).

Выявление следов осуществляется с обязательным соблюдением трех формальных условий: своевременности действий, полноты охвата и гарантий достоверности. Это всегда сложный познавательный процесс, как и процедура их исследования. Основная цель исследования следа – познание его содержания, получение от данного объекта материи сведений, значимых для расследования. Содержание следа может быть очевидным (познается путем непосредственного ознакомления со следом) или неочевидным (познается только при ознакомлении с содержанием совокупности следов). В любом случае осуществляется проникновение в их сущность (по общим диалектическим законам перехода в познании объекта от явлений к сущности и от сущности к явлениям). Иногда для этого используются такие данные, которые служат только ключом к познанию сущности исследуемого следа, раскрывают его содержание. Немаловажным при исследовании следов является установление достоверности фактов, которые ими «открываются»

(валидация). Когда речь идет о проверке следов, под этим обычно понимают установление достоверности сведений, т. е. достоверности знаний о фактах.

Исследование следов преступлений обладает своей спецификой. Поскольку в большинстве случаев исследователи имеют дело с последствиями происшествий, а не с их причинами, движение процесса познания осуществляется от следствия к предполагаемой причине, а не наоборот [Драпкин 2018: 4]. В связи с этим субъект познания вынужден выдвигать некоторое количество версий. По мере концентрации сведений о событии преступления число версий сокращается. Агрегирование следов как процесс системного их подбора для цельного восприятия прошедших событий заключается с точки зрения ситуационного подхода в восполнении недостатка достоверной информации [Драпкин 2014: 19–26].

Такая позиция позволяет утверждать, что познание следов при их обнаружении и исследовании означает агрегирование всей необходимой информации о них с последующим построением и фиксацией на этой основе мысленной модели (образа) объектов, их образовавших. Решение данной задачи основывается на повторяемости результатов одного и того же комплекса операций. При этом прежде всего обеспечиваются поиск, выявление и фиксация (при необходимости и возможности – изъятие), сохранение, первоначальное исследование и этапное использование следов. В последующем производятся их более глубокое исследование, проверка, анализ, накопление, оценка, сохранение. Полученные новые конструктивно сформированные фонды сведений передаются заинтересованным субъектам судопроизводства и используются ими в целях решения дальнейших поисковых или познавательных задач.

В изложенном контексте технологический процесс практического следоведения может быть охарактеризован как динамично развивающаяся познавательная поисковая система, движущаяся от исходного минимума источников сведений к промежуточному, пока еще не полному комплексу данных, а от него – к целостной системе следов событий, связанных с преступлениями. При этом процесс познания следов каждого вида имеет особый

содержательный и внешний характер, свои задачи, свой специальный набор средств и возможностей.

Новые парадигмы криминалистического познания материально фиксированных следов предполагают использование современных технологий. Сегодня можно выделить несколько эффективных направлений их применения: оптимизацию процесса на первоначальном этапе расследования; совершенствование криминалистического обеспечения агрегирования следов; введение в систему агрегирования следов, получаемых непосредственно от разных субъектов судопроизводства; экспертные исследования выявленных следов; получение следовой информации от органов зарубежной уголовной юстиции.

Далее укажем некоторые особенности исследования так называемых идеальных следов. Суждения криминалистов по этому вопросу различаются. Н. Н. Лысов и М. В. Салтевский допускают образование следов в области интеллекта, мысли [Лысов 1998: 32; Салтевский 1996: 23]. Н. П. Яблоков называет такие следы интеллектуальными и психофизиологическими [Яблоков 2000: 44]. П. Ю. Тимошенко, В. В. Агафонов и В. М. Плескачевский считают, что название «идеальные следы» условно и даже некорректно, поскольку их источник (результат, появляющийся в мозгу человека, – изменение электростатических импульсов, особенностей протекания биохимических процессов) и носитель материальны. По их мнению, такие следы нужно называть следами памяти [Тимошенко 1988: 61; Криминалистика 2000: 49]. Л. А. Суворова, полностью соглашаясь с указанными авторами, все же предпочитает термин «идеальные следы» на том основании, что он является достаточно устоявшимся в криминалистической литературе [Суворова 2006: 34–35]. В итоге большинство специалистов склоняется к мнению, что мы имеем дело со следами памяти.

Вместе с тем память – только одна из основных психических функций человека. Высшая нервная деятельность нормального человека осуществляется при неразрывном взаимодействии всех психических функций и даже первой и второй сигнальных систем. При этом действие законов первой сигнальной системы распространяется и на вторую,

потому что это работа все той же нервной ткани [Судебная психиатрия 1971: 112–125]. Соответственно при выявлении и исследовании следов высшей нервной деятельности человека мы имеем дело как минимум с пятью его основными психическими функциями: гнозисом (познание, мышление), мензисом (память, запоминание информации), праксисом (программа движения), фазисом (язык, речь), и интеллектом (способность к анализу, классификации, интерпретации информации). Другими словами, это ядро когнитивной деятельности человека. В данном случае правильнее, на наш взгляд, говорить о когнитивных следах, а не о следах памяти человека.

Что касается места таких следов в системе материи или идеи (идеальные следы), то оптимальным представляется некий средний вариант. «Идеальное не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [Маркс, Энгельс 1988: 21]. Психическая деятельность есть функция мозга; ее материальным субстратом являются нервные процессы. Нервная система (как совокупность органов) специфически приспособлена для установления и регулирования взаимодействия между организмом и внешней средой и для регулирования физиологических процессов внутри организма. Осуществляется эта основная функция нервной системы благодаря восприятию раздражений среды, проведению их и передаче на соответствующий орган, дающий реакцию на раздражение. Распространение раздражения в нервной системе представляет собой

определенный физико-химический процесс и обозначается термином «импульс». С корой мозга человека связана высшая психическая деятельность, которая и дает возможность не только приспосабливаться к окружающему миру, но и познавать его и активно изменять в соответствии с сознательно поставленными целями [Судебная психиатрия 1949: 96–104; Судебная психиатрия 1971: 107–112].

Таким образом, все процессы высшей нервной деятельности человека материальны, любая мысль рождается, преобразуется, хранится и передается с помощью материальных субстанций. Но рожденная мысль для самого человека есть абстрактная категория, доступная ему одному, и потому она идеальна. Из этих суждений следует, что технологии обнаружения и исследования таких когнитивных следов весьма специфичны.

Учение о следах в криминалистике достаточно динамично, открыто для совершенствования. По нашему мнению, возможно дальнейшее развитие данного учения по трем основным направлениям: 1) совершенствование самой криминалистической теории следов; 2) развитие системных научных знаний о теоретически разрабатываемых видах следов, выявление новых классов, родов и видов следов, неизвестных сегодня ни теории, ни практике; 3) развитие других отраслей криминалистики; совершенствование практической деятельности. Во всех случаях совершенствование учения о следах является теоретической предпосылкой развития любых направлений научного познания.

Список литературы

Kim J. Supervenience and Mind: Selected Philosophical Essays. N. Y.: Cambridge University Press, 1993. 377 p.

Белкин Р. С. Избранные труды. М.: Норма, 2008. 768 с.

Белкин Р. С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М.: Изд-во Высш. шк. МВД СССР, 1966. 186 с.

Драпкин Л. Я. Логические, эвристические и интуитивные механизмы мышления следователя в процессе раскрытия и расследования преступлений: моногр. Екатеринбург: Издат. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2018. 104 с.

Драпкин Л. Я. Криминалистические и оперативно-розыскные аспекты раскрытия и расследования преступлений: учеб. пособие. Екатеринбург: Издат. дом. Урал. гос. юрид. ун-та, 2014. 196 с.

Информатика. Энциклопедический словарь для начинающих / под ред. Д. А. Пospelова. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 520 с.

Карагодин В. Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 388 с.

Комиссаров В. И., Левченко Е. В. Биологические следы человека как объект криминалистического исследования. М.: Юрлитинформ, 2009. 176 с.

Криминалистика / под ред. А. Г. Филиппова. М.: Юрлитинформ, 2000. 246 с.

Кустов А. М. Криминалистика и механизм преступления: цикл лекций. М.: МПСИ; Воронеж: Модэк, 2002. 304 с.

Лысов Н. Н. Фиксация доказательств в уголовном процессе. Н. Новгород, 1998. Ч. 1: Методологические проблемы. 196 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1988. Т. 23. 456 с.

Номоконов В. А. Актуальные проблемы борьбы с киберпреступностью // Информационные технологии и безопасность: сб. науч. тр. Междунар. конф. Киев: Нац. акад. наук Украины, 2003. Вып. 3. С. 104–110.

Осипенко А. Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: Международный опыт: моногр. М.: Норма, 2004. 430 с.

Паули В. Теория относительности. М.: Наука, 1983. 336 с.

Россинская Е. Р. Развитие судебно-экспертных концепций в моих трудах // Развитие криминалистики и судебной экспертизы в трудах профессора Е. Р. Россинской. К юбилею ученого, эксперта, педагога: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Проспект, 2019. С. 4–14.

Салтевский М. В. Криминалистика. В современном изложении юристов. Харьков: Рубикон, 1996. 432 с.

Синг Дж. Л. Общая теория относительности. М.: Иностран. лит., 1963. 432 с.

Старостина Е. В., Фролов Д. Б. Защита от компьютерных преступлений и кибертерроризма. М.: Эксмо, 2005. 374 с.

Суворова Л. А. Идеальные следы в криминалистике. М.: Юрлитинформ, 2006. 200 с.

Судебная психиатрия / под ред. Г. В. Морозова, Д. Р. Лунца. М.: Юрид. лит., 1971. 432 с.

Судебная психиатрия: учеб. для юрид. вузов / ред. А. Н. Бунеев и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Госюриздат, 1949. 400 с.

Тимошенко П. Ю. Тактические и технические аспекты обнаружения и использования идеальных отображений в криминалистике: дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1988. 228 с.

Хомяков Э. Г. О состоянии некоторых проблемных вопросов в области судебной экспертизы // Судебная экспертиза: правовые и естественнонаучные аспекты: сб. ст. Ижевск: Издат. центр «Удмуртский университет», 2020. С. 317–325.

Хрусталева В. Н. Потребность практики борьбы с преступностью – активная разработка современных методик диагностического предварительного исследования материальных следов на месте их обнаружения // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 237–240.

Чудинов Э. М. Теория относительности и философия. М.: Политиздат, 1974. 304 с.

Эйнштейн А. Собрание научных трудов. М.: Наука, 1965. Т. II. 879 с.

Эксархопуло А. А. Криминалистика: теоретические проблемы и практические решения: учеб. пособие. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2018. 184 с.

Яблоков Н. П. Криминалистика. М.: Норма, 2000. 400 с.

Николай Васильевич Карепанов – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: karapanov-vv@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-6234-8614

Issues of the Development of Criminalistics: The Basics of Forensic Traces Theory

Within the framework of new paradigms, a different idea of the concept of traces is being developed: traces are understood as elements of the space-time continuum formed on carriers from sources in the process of their movement and mutual influence as a result of changes in their quantitative and qualitative characteristics.

Today, new scientific knowledge is urgently needed for the practice of legal proceedings, especially for the study of traces of crimes associated with the use of digital technologies. The purpose of modern scientific research in this field is the development of a holistic forensic theory of traces. It can be argued that the object of the theory of traces is an integral process, which includes detecting, investigating and using traces of events related to crimes. It is extremely important to understand the process of trace formation. Particular attention should be paid to the fact that the variety of traces depends not only on the nature of their occurrence, but also on the events that gave rise to them. In this context, traces are distinguished by the stages of the crime mechanism.

The article discusses an approach to identifying traces of crimes, taking into account observance of the mandatory conditions: timeliness of actions, completeness of coverage and guarantees of reliability. The research technologies of so called ideal traces are analyzed. The author is inclined to believe that such traces are cognitive (traces of the higher nervous activity of a person), material, but also takes into account that the thought for the person himself is an abstract category, accessible to him alone and therefore ideal.

Keywords: traces, reflection of the event, information, paradigms, traces complexes, criminalistics teaching, system of criminalistics

Recommended citation

Karepanov N. V. Voprosy razvitiya kriminalistiki: osnovy kriminalisticheskoi teorii sledov [Issues of the Development of Criminalistics: the Basics of Forensic Traces Theory], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 1, pp. 66–74, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_1_66.

References

- Belkin R. S. *Izbrannye trudy* [Selected Works], Moscow, Norma, 2008, 768 p.
- Belkin R. S. *Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv. Sushchnost' i metody* [Collecting, Examination and Evaluation of Evidence. Essence and Methods], Moscow, Izd-vo Vyssh. shk. MVD SSSR, 1966, 186 p.
- Buneev A. N. et al. (eds.) *Sudebnaya psikiatriya* [Forensic Psychiatry], Moscow, Gosyurizdat, 1949, 400 p.
- Chudinov E. M. *Teoriya otноситel'nosti i filosofiya* [The Theory of Relativity and Philosophy], Moscow, Politizdat, 1974, 304 p.
- Drapkin L. Ya. *Kriminalisticheskie i operativno-rozysknye aspekty raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii* [Criminalistics and Operational and Search Aspects of Crime Detection and Investigation], Ekaterinburg, Izdat. dom Ural. gos. yurid. un-ta, 2014, 196 p.
- Drapkin L. Ya. *Logicheskie, evristicheskie i intuitivnye mekhanizmy myshleniya sledovatelya v protsesse raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii* [Logical, Heuristic, and Intuitive Mechanisms in Criminal Investigator's Thinking during Criminal Investigation], Ekaterinburg, Izdat. dom Ural. gos. yurid. un-ta, 2018, 104 p.
- Einshtein A. *Sobranie nauchnykh trudov* [Complete Scientific Works], Moscow, Nauka, 1965, vol. II, 879 p.
- Eksarkhopulo A. A. *Kriminalistika: teoreticheskie problemy i prakticheskie resheniya* [Criminalistics: Theoretical Issues and Practical Solutions], Ufa, Bashkir. gos. un-t, 2018, 184 p.
- Filippov A. G. (ed.) *Kriminalistika* [Criminalistics], Moscow, Yurlitinform. 2000, 246 p.
- Karagodin V. N. *Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya o preodolenii protivodeistviya rassledovaniyu* [Fundamentals of Criminalistics Teachings on Overcoming Counteraction to Criminal Investigation]: doct. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 1992, 388 p.
- Khomyakov E. G. *O sostoyanii nekotorykh problemnykh voprosov v oblasti sudebnoi ekspertizy* [On the State of Some Problem Issues in the Field of Forensic Examination], *Sudebnaya ekspertiza*:

pravovye i estestvennonauchnye aspekty [Forensic Examination: Legal and Scientific Aspects]: conference papers, Izhevsk, Izdat. tsentr «Udmurtskii universitet», 2020, pp. 317–325.

Khrustalev V. N. *Potrebnost' praktiki bor'by s prestupnost'yu – aktivnaya razrabotka sovremennykh metodik diagnosticheskogo predvaritel'nogo issledovaniya material'nykh sledov na meste ikh obnaruzheniya* [The Need for the Practice of Fighting Crime is the Active Development of Modern Methods of Diagnostic Preliminary Research of Traces at the Place of Their Detection], *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*, 2019, no. 2, pp. 237–240.

Kim J. *Supervenience and Mind: Selected Philosophical Essays*, New York, Cambridge University Press, 1993, 377 p.

Komissarov V. I., Levchenko E. V. *Biologicheskie sledy cheloveka kak ob"ekt kriminalisticheskogo issledovaniya* [Human Biological Traces as an Object of Criminalistics Examination], Moscow, Yurlitinform, 2009, 176 p.

Kustov A. M. *Kriminalistika i mekhanizm prestupleniya* [Criminalistics and Crime Mechanism], Moscow, MPSI, Voronezh, Modek, 2002, 304 p.

Lysov N. N. *Fiksatsiya dokazatel'stv v ugolovnom protsesse* [Fixation of Evidences in Criminal Proceeding.], Nizhny Novgorod, Nizhegorod. YuI MVD Rossii, 1998, pt. 1, 196 p.

Marks K., Engel's F. *Sobranie sochinenii* [Complete Works], Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1988, vol. 23, 456 p.

Morozov G. V., Lunts D. R. (eds.) *Sudebnaya psikhiatriya* [Forensic Psychiatry], Moscow, Yurid. lit., 1971, 432 p.

Nomokonov V. A. *Aktual'nye problemy bor'by s kiberprestupnost'yu* [Topical Issues in Fight against Cybercrimes], *Informatsionnye tekhnologii i bezopasnost'* [Informational Technologies and Security]: conference papers, Kiev, Nats. akad. nauk Ukrainy, 2003, vol. 3, pp. 104–110.

Osipenko A. L. *Bor'ba s prestupnost'yu v global'nykh komp'yuternykh setyakh: Mezhdunarodnyi opyt* [The Fight Against Criminality in Global Computer Networks: International Practice], Moscow, Norma, 2004, 430 p.

Pauli V. *Teoriya otноситel'nosti* [The Theory of Relativity], Moscow, Nauka, 1983, 336 p.

Pospelov D. A. (ed.) *Informatika. Entsiklopedicheskii slovar' dlya nachinayushchikh* [Informatics. Encyclopedic Dictionary for Beginners], Moscow, Pedagogika-Press, 1994. 520 p.

Rossinskaya E. R. *Razvitie sudebno-ekspertnykh kontseptsii v moikh trudakh* [Development of the Forensic Concepts in my Works], *Razvitie kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy v trudakh professora E. R. Rossinskoi* [The Development of Criminalistics and Forensic Examination in the Works of Professor E.R. Rossinskaya]: conference papers, Moscow, Prospekt, 2019, pp. 4–14.

Saltevskaia M. V. *Kriminalistika. V sovremennom izlozhenii yuristov* [Criminalistics. Modernized by Lawyers], Kharkov, Rubikon, 1996, 432 p.

Sing Dzh. L. *Obshchaya teoriya otноситel'nosti* [The General Theory of Relativity], Moscow, Inostr. lit., 1963, 432 p.

Starostina E. V., Frolov D. B. *Zashchita ot komp'yuternykh prestuplenii i kiberterrorizma* [Security from Computer Crimes and Cyberterrorism], Moscow, Eksmo, 2005, 374 p.

Suvorova L. A. *Ideal'nye sledy v kriminalistike* [Ideal Traces in Criminalistics], Moscow, Yurlitinform, 2006, 200 p.

Timoshenko P. Yu. *Takticheskie i tekhnicheskie aspekty obnaruzheniya i ispol'zovaniya ideal'nykh otobrazhenii v kriminalistike* [Technical and Tactical Aspects of the Detection and Use of Ideal Mappings in Criminalistics]: cand. jur. sc. thesis, Kiev, 1988, 228 p.

Yablokov N. P. *Kriminalistika* [Criminalistics], Moscow, Norma, 2000, 400 p.

Nikolai Karepanov – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of criminalistics, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: karepanovvv@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-6234-8614

Дата поступления в редакцию / Received: 16.09.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 27.12.2021